

УДК 801.6: 7.031

ББК 82.3 (235.7)

3 95

С.Л. Зухба, Е.М. Малия

Ахын – покровитель крупного рогатого скота в абхазско-адыгской мифологии

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье подробно изучены все основные сведения покровителя и божества крупного рогатого скота в абхазо-адыгской мифологии. Широко использованы, как фольклорные, так и этнографические материалы абхазов и адыгов.

Ключевые слова:

Покровители животноводства, божества языческого пантеона, образ Ахына, обряды жертвоприношения, самошествующая корова, Ахынова корова, морское божество.

В науке хорошо известно, что предки современных абхазов занимались с древнейших времен скотоводством, являвшимся главным хозяйственным занятием мужчин вплоть до XIX века. В различных местах Абхазии археологами «выявлены многочисленные остатки домашних животных, а также их изображения. На памятниках колхидско-кобанской культуры (XII–VI вв. до н.э.), при отсутствии земледельческих орнаментов, широко представлены изображения или... скульптурные фигурки собаки, козла, кабана, оленя, быка, птиц, лошади, которая, как сказано, появляется в Закавказье с конца II тысячелетия до н.э.» [8: 205].

Аналогичную роль играло животноводческое хозяйство и у адыгов. О важности животноводства, о многовековом опыте его ведения у адыгов свидетельствуют археологические раскопки, многочисленные методы лечения животных от болезней, большое количество животноводческих терминов, приметы, поверья, пословицы и т.д.

Естественно, что в мифологии и религии абхазов и адыгов имеется несколько божеств и покровителей животноводства.

В абхазо-адыгском языческом пантеоне одним из могучих было божество по имени Ахын (Ахына, Ахин). Насколько нам известно, в живом бытовании, в народе имя этого божества, обряды и обычаи, связанные с ним, у адыгов до наших дней не дошли. Однако, в литературе, начиная от Хан-Гирея, почти всеми авторами, кто писал о религиозных верованиях

адыгов, Ахын признается божеством, покровителем крупного рогатого скота.

Разновременны зафиксированы и опубликованы несколько преданий о могуществе Ахына. Из существующих публикаций наиболее достоверным нам представляется текст предания, изданный М.Е. Талпой. По объему текст небольшой, но он дает довольно яркое представление об Ахыне.

Приведем его полностью:

«Ахыном мы называем Черное море. Именем Ахына клялись – существовало это как обычай. «Ахын, не отдам! Ахын, не знаю», – вот как говорили. Басхаги, что ни год, для угождения Ахыну закалывали корову. Говорят, таковы должны были быть приметы той коровы: масти совершенно черной без белой звездочки на лбу. Если и была корова вся черная, а только кончик хвоста белый, уже она считалась непригодной. Если в стаде обнаруживалась корова указанной масти, почитали ту корову посланной Ахыном. Оттого и называли ее: «Ахыном ниспосланная». В предназначенный срок такую корову приносили в жертву Ахыну. Черное море, именуемое Ахыном – море студеное, очень холодное. Бушуют на нем ветры, налетают с того моря на берег частые ураганы и бури.

И так, как эти вихри приносили большие опустошения, то, пожалуй, верно будет, что в древние времена люди очень боялись Ахына, и Ахын почитался ими как божество грозное, страшное. Ахыну поклонялись как божеству».

Есть и другой рассказ:

«Будто бы существовал какой-то человек, называвшийся Ахыном. Этого человека представляли огромным, высоким, могучего телосложения, с виду страшным, дико уродливым, а по силе, храбрости и мужеству несравненным. В те далекие времена пребывавшие в страхе люди могли пользоваться для крепкой клятвы именем этого человека из-за устрашающего его вида. «Ахыном клянусь, того-то не знаю». «Ахыном клянусь, того-то не говорил». Говорят, что Ахын происходил из басхагов. У Ахына будто был только один очень длинный итык. С ним он охотился, им убивал диких зверей и хищных птиц. Полагают, что существовал какой-то лютый, суровый муж, по имени Ахын. Он получил свое прозвище от того, что походил на Ахын-море, был он грозен, холоден, злодей бездушный, без сострадания. Все же вернее повествуют, что Ахыном называют Черное море».

В комментарии к имени Ахына М.Е. Талпа отметил, что «приспособленное к адыгской речи древнейшее греческое название Черного моря – Понт Аксинский, что указывает на старинные связи адыгов с греками. Одновременно сказание сообщает об остатках древних культов адыгов. Абазины в древности обитали на черноморском побережье. Ср. египетский культ Аписа. Герой охотничьей стадии. Скрещение значений (идет так: «Ахын» теряет свои специфически морские признаки, подчеркиваются его побочные – лютость, бездушие, и так перебрасывается мост к новому значению – «плотого истребителя-охотника»).

В статье, написанной об Ахыне для энциклопедии, М.И. Мижаев тоже подчеркнул, что «Ахын – в адыгской мифологии бог – покровитель крупного рогатого скота». Излагая содержание одного из западноадыгских преданий об Ахыне, М.И. Мижаев отметил, что «ноги А[хына] имеют раздвоенные копыта. По мифологическим представлениям кабардинцев и черкесов, А[хын] – очень уродливый человек могучего телосложения, храбрый; имеет длинное копые, которым убивает диких зверей и птиц. Согласно шапсугской легенде, А[хын] – могучий и богатый скотовод, с помощью посоха (длиной в 100 сажен, с железным наконечником), перепрыгивающий с горы на гору через долину реки Туапсе; он неделю бодрствует, не-

делю спит. А[хын] женился на красавице, которая вышла замуж за него вопреки воле отца. Когда А[хын] спал, тесть подпилил его посох. Проснувшись, он хотел перепрыгнуть через ров, но посох сломался, А[хын] упал в реку Шахе и утонул; после этого исчезли его многочисленные стада. Осенью при отправлении культа А[хыну] ему приносили в жертву корову» [12: 142].

В вышеприведенном тексте об Ахыне наше внимание привлекло и то, что это божество было особенно популярно для прибрежных племен (шапсуги), а также для абазин (басхаги), некогда живших у берегов Черного моря.

Небезынтересно отметить, что некоторые особенности образа Ахына напоминают абхазского богоборца Абрскила. Как Ахын, так и Абрскил для передвижения часто (особенно после гибели его сказочного коня – *арашья*) пользовался посохом (*алабашья*) с железным наконечником. Во многих вариантах сказания об Абрскиле повествуется о том, что Абрскил, опираясь на этот посох, перепрыгивал с берега Черного моря на вершину самой высокой горы Абхазии Ерцаху, оттуда прыгал опять, опираясь на свой посох, на берег моря. Как Ахын, так и Абрскил имел привычку спать подряд семь дней и ночей и бодрствовать столько же времени.

Как нам кажется, эти общие черты Ахына и Абрскила говорят о взаимовлиянии и взаимопроникновении фольклорной традиции абхазов и адыгов.

Адыги совершали специальный обряд в честь божества Ахына. Хан-Гирею принадлежит одно из наиболее развернутых описаний подобных обрядов, ему посвященных. По словам Хан-Гирея, черкесы Ахына «представляли себе существом весьма сильным, и надобно думать, что они его почитали в особенности покровителем рогатого скота потому, что и по сие время есть в горах одно семейство, которое в известное время осени обыкновенно выгоняют одну корову из своего стада к священной роце или дереву, привязав к ее рогам сыр и хлеб. Жители окрестностей сопровождали эту жертву, которую называли самошествующая Ахынова корова, и по достижении того места зарезали ее. Замечательно, что при совершении этого жертвоприношения на месте заклания не сдирали кожи; на том месте, где сдирали кожу,

не варили мяса, а где варили, там не ели, а постепенно переносили с одного места в другое, и в продолжение времени приготовления явств, народ, собравшийся под деревом жертвоприношения, плясал с обнаженными головами, при громком пении особенных молитвенных песен. Уверяют, что корова из стада того семейства по наступлении времени Ахынова праздника сама шла к месту жертвоприношения, почему и получила название самошествующей. Во время разлития рек народ, сопровождающий Ахынову корову, медлил на пути, обходя по вершинам рек; а между тем корова, переплыв реки, достигала сама древа жертвоприношения и там ждала прибытия хозяина с народом; и будто бы при приближении давала хозяину заметить, что она избрана в жертву Ахыну. Само собою разумеется, что все эти рассказы о сверхъестественности Ахыновой коровы не что иное, как нелепости, но справедливо, что этому божеству приносили в прежние времена жертву с величайшим уважением. Маң Цзе Си дал еще больше сведений об Ахыне и обрядах в его честь. В частности им было отмечено: «Самое любопытное божество был Ахын, покровитель рогатого скота. Я слышал рассказ очевидца праздника, справляемого в честь его. Впрочем, Ахын не коренное божество черкесов; по крайней мере, часть Абхазии более имеет права на его благосклонность, как видно из того обстоятельства, что он избрал себе там постоянных поклонников и слугителей. В Абхазии есть общество Ардкоад, в котором находится род, или семейство Цсбе, состоящее назад тому около двадцати пяти лет из семи или восьми дворов. Это семейство ознаменовано особенным благоволением Ахына. Из стада его избирает себе жертву, именно корову, еще не телившуюся. Когда наступает время осенью, по соображению надобно думать около Покрова, отправления Ахынова праздника, корова, избранная им, разными движениями и ревом дает разуметь хозяевам, что она удостоена чести быть принесенной в жертву божеству. Тут все семейство собирается к Ахыновой корове, моют ее молоком и после обычной молитвы выпроваживают из двора» [15: 132].

Далее в этой работе Хан-Гирей поведал о том, как хозяин коровы, из стада которого Ахын выбрал себе корову в жертву, отправля-

ется вместе с нею в путь. Несмотря на то, что расстояние до места жертвоприношения большое, корова якобы сама шла. Проходила она места, называемые Цзужи и Чекоффи, а затем Хмиш-тчей, переходила реку под названием Сфеши, остановившись и отдохнувшись у двора Чземух, снова отправлялась в путь в сопровождении крепостного человека старшины Чземух, а также тхией и сверх того черной козой. В обществе Ордане, через которого проходит путь самошествующей коровы, старшина рода из Зейфш принимает ее. Здесь тоже присоединяется к ней человек с тхией и козой. В таком составе Ахынова жертва проходит общество Десчен. «Тут старшины разных кланов присоединяются с тхиями и козами к свите самошествующей и идут к месту жертвоприношения, называемому Ахын – итхачех, которое находится на вершине реки Шахе и состоит из купы вековых огромных деревьев, на которых висят разные оружия, покрытые ржавчиной».

По свидетельству Хан-Гирея, место жертвоприношения Ахину в старину считалось окрестными жителями священным, «убийца, преследуемый кровоместниками, спасался, скрывшись под тенью Ахиновых деревьев». День жертвоприношения люди проводили празднично. «Шествие Ахиновой коровы представляет любопытное зрелище с приближением к месту жертвоприношения: пестрые толпы народа идут с открытыми головами в праздничных одеждах и гонят множество черных коз. Ахинова корова, подойдя к священным деревьям, сама ложится под их тенью, и остается в течение наступающей ночи на одном месте. Народ, ее сопровождающий, тоже здесь ночует, соблюдая некоторого рода пост – не едят и не пьют до следующего дня. Поутру, по произнесении с величайшим благоговением молитвы, самошествующую корову лишают возможности далее шествовать, или просто приносят в жертву божеству Ахину. Следующие слова в молитве, при этом произнесенной, особенно замечательны. Слово в слово переводя, значит:

О боже! О Ахин!

Если и пойду – даруй мне!

Если и придут – даруй мне!

То есть, когда пойдут на войну и когда придут неприятели, в том и в другом случае, даруй, чтобы добыча досталась нам».

Таким образом, Хан-Гирей еще раз подтверждает, что у адыгов обряд жертвоприношения Ахину был традиционным: здесь тоже указывается, что зарезанную жертву несколько раз переносили с места на место; там, где резали, не сдирали кожу, где снимали кожу, там не раздробляли тело на части и т.д.

Определенный интерес представляет описание самого процесса обряда. «Под священными деревьями есть огромный ковш, полный белым вином; в день жертвоприношения, которое совершается через каждые три года раз, старшины пьют при произнесении молебственных слов перед закалыванием жертвы этого вина по чарке. Тут находится и вековой котел, огромный, поставленный каким-то Едиком, как видно из преданий. В нем варят мясо Ахиновой коровы. В одно время режут и пригнанных черных коз. По приготовлении козлиного мяса начинают пиршество – пьют, едят, поют и пляшут. Замечательно, что пляшут, снявши с себя шапки. Мясо Ахиновой жертвы разделяют по частям между посетителями и участниками жертвоприношения, носят его по домам и дают по куску (тейхх) каждому домочадцу, и даже младенцам кладут его в рот. Кожу, голову и ноги Ахиновой коровы зарывают в землю, на месте жертвоприношения».

Кроме всего прочего, приведенные Хан-Гиреем материалы содержат указание на некоторые детали, отсутствующие у других авторов. Таковыми являются, например, указание о том, что Ахын избрал из стада «именно корову, еще не телившуюся», а также сведение о том, что хозяин коровы всем семейством собирался, мыли ее молоком и только после этого произносили молитвы и выпроваживали эту корову из двора. Комментируя приведенные им слова молитвы в честь Ахына, Хан-Гирей писал: «Эти слова убыхские. Это доказывает, что Ахын – божество собственно не черкесское; однако же в абхазском племени и до сих пор божатся Ахином; следовательно, там народ его чтит наравне со своими богами. Сверх того, это обстоятельство показывает происхождение абадзехов».

Из работы Хан-Гирея мы узнаём о возникновении культа Ахына у адыгов. Он пишет: «На жителей окрестностей Ахиновой рощи неожиданно напало многочисленное сборище неприязненных племен, и много людей захватили

в плен. Неприятель, никем не преследуемый в его отступлении, спокойно прошел через вершину Аут и там расположился отдыхать. Добыча радовала неприятеля, и он предался разным увеселениям, песням и пляскам. В упоении успеха, иступленные победители заставили плясать и пленниц своих. Одна из несчастных, беременная, напрасно умоляла оставить ее в покое. «О Ахын. По неволе пляшу! – говорила она рыдая. Между тем толпы неприятелей начали проваливаться сквозь землю. Тут один из них, принадлежавший к роду Цсбе, закричал в отчаянии: «О Ахые! Если возвратишь меня домой, через каждые три года буду пригонять к твоей роще корову на жертву!» Он был спасен. Ахин принял его усердие; чему лучшим доказательством служит чудное обстоятельство, что корова сама приходит к Ахиновой роще в продолжение нескольких веков. Однако же, из рассказа видно, что Ахина и прежде чтили; следовательно, он после описанного события, стал только особенно покровителем скотоводства. Место, где погибли победители, называется и поныне местом складки пуль (щехетлин)».

В примечаниях к этому преданию Хан-Гирей отметил, что и в его время место гибели захватчиков считалось священным. «Приходящие и теперь оставляют там по одной свинцовой пуле. На вершине Кубани есть (по крайней мере, была не так давно) гробница, где лежало не гниющее тело покойника. Посещавшие сию гробницу обыкновенно бросали на тело тряпку, в которую завертывали пулю».

О божестве Ахыне и обряде в его честь писали и Л. Люлье, и Н. Дубровин.

В описании Л. Люлье интересно то, что еще в его время (XIX век) в реальном быту жертвоприношение в честь божества Ахына совершали «исключительно у горцев, живущих по морскому побережью», а также и то, что автор отождествлял функцию Ахына с функцией Пана древних греков [11: 142].

В работе Н. Дубровина нет ничего нового об Ахыне и фактически все, что сказано там – повторение данных Хан-Гирея без каких-либо ссылок на него [7: 159].

В описании обряда в честь Ахына, данном В.В. Васильковым, содержатся некоторые подробности, представляющие для нас определенный интерес. Так, в его варианте предсказания сказано, что «каждый год Ахын посылал белую

корову из Абхазии абадзехам, адыгам и убыхам, которые жили в лесах, называемых Тхачаг (тха – бог, чаг – под). Посланная белая корова шла обыкновенно одна, и ее из всех аулов по пути встречали с хлебом и черными козлами старшины аулов. Хлебом кормили священную корову, а коз закалывали для жертвоприношения в честь покровителя стад бога Ахына» [6: 181]. Согласно его версии, аул, на который напали какие-то враги, пришедшие с юга, находился в Абхазии.

Е. Шиллинг отметил, что у абадзехов отчетливо сохранились воспоминания о «языческом» культе. «Бога они называли Ахын и приносили ему жертву у почитаемых дубов (тхачаг). Здесь они резали священную корову, старики призывали Ахына на помощь народу, затем корова делилась на части и тут же съедалась. Автору этого свидетельства в 1902 г. рассказывали об одном старике, который говорил взрослым сыновьям: «Вы исповедуете свою религию (т.е. Ислам), а я буду молиться по обычаю предков», ходил в лес к одному дубу, вокруг которого белело множество костей, и по долгу молился там».

Как и некоторые другие авторы, так и Е. Шиллинг отмечал, что ноги Ахына «имели раздвоенные копыта». По наблюдениям Е. Шиллинга обряд жертвоприношения совершали представители фамилии Тгахуахо. «Фамилия Тгахуахо (что значит «божий пастух») имела обыкновение приводить в честь Ахына в рощу корову, к рогам которой привязывали хлеб и сыр. Однако культ не был узко семейным, – все окрестные жители сопровождали шествие Ахыновой коровы, которая называлась «идущей» (т.к. по поверьям, сама шла на молебище в лес)» [16: 279].

Б.Ан также приводит легенду о возникновении культа Ахына, однако он оспаривал всеобщность Ахына для всех черкесов. По его мнению, «Люлье и Дубровин ошибочно возводили Ахына в общечеркесский пантеон в качестве бога рогатого скота. Поводом к такому заблуждению могло послужить то, что Ахына знали все черкесы и что ему приносилась в жертву корова. Ахын был весьма популярен среди адыгейцев – это нельзя отрицать. Но молились ему, по-видимому, только одни абадзехи. Шапсугские старики охотно рассказывают об Ахыне, но не говорят, что они почтили его и

просили о благополучии скота. У шапсугов были свои боги скотоводства: Ямыш – покровитель коз и овец, и Пшешан – покровитель коров. Абзахи же просили Ахына не только о покровительстве скоту, но и о хорошем урожае, о прекращении болезней и т.д.» [5: 209].

Обобщая все данные предыдущих авторов об Ахыне, Л.И. Лавров в своей работе отмечал: «Большой удельный вес скотоводства в хозяйстве адыгов определил в свое время большое развитие культа скотоводческого божества Ахына (Ахын)» [13: 279].

Один из вариантов легенды об Ахыне, записанный Л.И.Лавровым в ауле Красно-Александровском (Шапсугия), проявляет некоторые существенные особенности. По справедливому замечанию ученого, здесь (в этом варианте) «Ахын выступает в виде могучего и богатого скотовода-кочевника с пастушеским посохом в руке». Если во многих других вариантах легенды действие связывается с Абхазией, то здесь действие происходит на черноморском побережье при слиянии рек Туапсе и Цыпка. Указывается, что там некогда жил некий человек, у которого была красавица дочь. «Много было у нее женихов, но отец всенародно объявил, что только тот получит руку дочери, кто перепрыгнет с горы на гору через долину р. Туапсе. И вот однажды пришел великан по имени Ахын и, взойдя на гору, оперся своим неразлучным посохом о дно долины и перепрыгнул на противоположную сторону. Посох его был длиною в 100 сажен и имел железный наконечник. Испугался дикого великана отец красавицы, но последней понравился Ахын, и она стала его женой. Прошло некоторое время, и Ахын вздумал навестить тестя. Прослышав об этом, тесть, забрав имущество, семью и скот, бежал по берегу моря на юг. Остановился он у устья р. Шахе. Ахын пошел следом за ним... У него было так много скота, что, когда скот пасся, то покрывал собою все окрестные горы. Остановившись тоже в долине р. Шахе, Ахын не заметил своего маленького соседа – тестя. Ахын окопал свою стоянку глубоким рвом с водою. Чтобы выйти наружу, он опирался о дно рва своим посохом и перепрыгивал на другой берег. Однажды тесть связал два срубленных дерева, перебросил их через ров и, пробравшись к дочери, спросил, когда очередной сон Ахына. Дело в том, что Ахын бодрствовал целую неде-

лю, после чего другую неделю спал. Когда наступил очередной сон Ахына, тесть вторично пробрался в его лагерь и подпилит в нескольких местах стосаженный посох. Сделав это, он снова удалился. Проснувшись и прыгнув через ров, Ахын упал в ров и утонул. Так погиб Ахын в долине реки Шахе. После его смерти неизвестно куда исчезли все многочисленные его стада».

Если в этом варианте адыгского сказания тесть подпилит в нескольких местах посох, на который опирался Ахын, то в некоторых вариантах абхазского сказания посох Абрскила до половины продолбил дятел в то время, когда герой спал. Вот как описан в абхазском сказании эпизод поимки Абрскила: «В минуту опасности Абрскил втыкал алабашу (посох) в землю, и, опираясь на нее, делал такой прыжок, что исчезал из глаз врагов. А божьи слуги обратились к черному дятлу, чтобы он повредил алабашу Абрскила, и за это обещали ему красную шапочку. Дятел разыскал Абрскила и, пока тот спал, стал долбить алабашу. Продолбил он ее до половины, а затем известил об этом божьих слуг. Те кинулись к Абрскилу. Герой вовремя проснулся, увидел врагов, вскочил и, опершись на алабашу, хотел перепрыгнуть через ущелье. Но алабаша подломилась, и он упал. Тут-то подоспевшие враги схватили его» [1: 38]. О том же повествует и вариант сказания об Абрскиле, записанный Н.С. Джанашиа и опубликованный им в переводе на грузинский язык [8: 121].

Со ссылкой на Ж. Дюмезиля, Л.И. Лавров подтверждает, что «Ахына почитали не только адыгские племена, но и соседние убыхи, которые представляли его великаном и считали своим прародителем», но нигде не упоминает, что это божество встречается и в абхазской мифологии, хотя отмечает, что «Ахына можно сопоставить с абхазским Айтаром».

А.Т. Шортанов постарался проследить эволюцию образа Ахына. По его мнению, первоначально Ахын воспринимался как божество моря, в его честь приносилась жертвенная корова. Однако в процессе длительного бытования образа произошла трансформация. Возводя образ Ахына к морскому божеству, А.Т. Шортанов привлек и некоторые косвенные данные. Так, например, им было отмечено следующее: «По всей вероятности случилось следующее:

поскольку Ахын воспринимался в образе коровы, он, естественно, должен был стать покровителем стад, каковым он мог действительно стать впоследствии, когда были утеряны его первичные функции. Подобная метаморфоза наблюдается в мифологии нередко. Например, признается, что бог моря Посейдон первоначально был божеством земли, Аполлон, как известно, вначале признавался богом дверей, потом – богом-охранителем дорог, путников, мореходцев, а еще позже превратился в солнечное божество и, наконец, сделался богом-воителем. Мы полагаем, что нечто подобное произошло и с Ахыном» [17: 108].

Вполне резонным представляется мысль М.-К.З. Азаматовой о том, что культ Ахына полифункционален и порожден исторической реальностью. Исходя из разнообразных этнографических материалов М.-К.З. Азаматова отмечает, что Ахын является не только покровителем крупного рогатого скота, но и одновременно считается одним из божеств абадзехских племен. По содержанию приводимого автором предания, в далеком неопределенном прошлом наиболее аристократичные соседние племена темиргоевцев, махошевцев и бжедугов нападали на абадзехов и разоряли их многочисленные животноводческие хозяйства. Потому на границе с этими соседними племенами «содержалась охрана, во главе которой стоял Ахын. Он был не только скотоводом, но и отличным воином и руководителем своего отряда по охране границ и животноводческого хозяйства абадзехов от захватчиков». По преданию, в одной из схваток с захватчиками Ахын погиб, «но его опыт и навыки в развитии скотоводства передавались из поколения в поколение. Абадзехи почитали его как героя, погибшего ради своего народа, и считали святым. По преданию, он был похоронен в священной роще Мыекуапе на берегу реки Белой..., поэтому абадзехи превратили данную рощу – долину кислиц – в место проведения магических обрядов в честь своего Ахына и место собрания старейших (хас), на которых решались вопросы внешнего и внутреннего характера, вопросы морального состояния в семье и обществе» [3: 377].

Верным представляется объяснение М.-К.З. Азаматовой возникновения самого понятия самошествующей Ахыновой коровы. Это понятие возникло на основе каких-то наблюде-

ний. Весной, когда, по известной биологической причине находившиеся взаперти коровы начинали мычать и бить копытами, это воспринималось людьми, как желание коров принести себя в жертву Ахыну: «скотоводы, не зная законов природы, не вдаваясь в детали и объясняли это необходимостью подготовки животного к обряду жертвоприношения, Отсюда и пошел термин «Ахынэ и гэмльэрыкIу» – «шествующая корова Ахына». По материалам учебного, для жертвоприношения Ахыну выбирали особо примечательных животных – корову или быка. «Признаками для выбора служили белая масть, красивые большие рога и раздвоенные копыта, причем, корова должна быть яловой». Таких животных держали на специальном корме целый год, т.е. до срока – мая. Это время гибели Ахына. Таких животных называли «ахыновыми» коровами или быками».

М.-К.З. Азаматова, как и Шиллинг, подтверждает, что почитание Ахына было распространено не только у абадзехов, но и в других адыгских этнографических группах, в частности, у шапсугам. По мнению М.-К.З. Азаматовой, в описании обряда жертвоприношения Ахыну древние традиции претерпели определенную трансформацию и слились с некоторыми исламскими.

Исходя из дошедших до нас текстов, М.И. Мижаев сделал заключение о том, что с Ахыном «были связаны определенные ритуальные танцы и песни-молитвы с просьбой исполнить то или иное желание» [16: 538]. Справедливо отмечается, что «Ахын, с одной стороны, наделен зооморфными чертами (его ноги имеют раздвоенные копыта), с другой – ярко выраженными антропоморфными признаками».

Надо предполагать, что зооморфные черты Ахына древнее и предшествовали антропоморфным его признакам.

В преданиях об Ахыне проявляется как страх перед ним, так и доброжелательное и недоброжелательное отношение к нему. Такое двойственное (дуальное) отношение, как известно, характерно и для других божеств и героев в фольклоре и мифологии многих народов. По всей вероятности, недоброжелательное отношение к Ахыну возникло позднее и «возможно, является отражением борьбы человека с

силами природы или социальных противоречий классового общества».

В самом начале этой статьи было отмечено, что образ Ахына и его имя в адыгской мифологии в живом бытовании в наше время почти не встречается, но мы увидели, что в научной литературе о нем сказано немало. Характерно, что некоторые адыгские предания связывают Ахына с Абхазией. К сожалению, в самой абхазской мифологии имя и образ в целом этого божества подверглись еще большему забвению и сохранились о нем лишь скудные сведения.

Насколько нам известно, единственное достоверное сведение о наличии Ахына в абхазской мифологии зафиксировано абхазским учителем и краеведом Н.С. Патейпа (1877-1941). Н.С. Патейпа отождествлял Ахына с образом Ажвейпша в том отношении, что и это божество лесное, «но ему молятся не охотники, а те, которых обязала знахарка» [13: 32].

Можно отметить в описании абадзехского обряда сходство с аналогичным обрядом в адыгской мифологии: «Где-нибудь в лесу зарывают винный кувшин ведра в два-три, который всегда пополняется вином при сборе винограда осенью. Ежегодно весной у этого кувшина режут козленка и варят его, кроме того, делают пирожки с сыром. Становясь лицом на запад, молятся, обращаясь к Ахыну, чтобы это божество охраняло их, молящихся, от всяких несчастий в лесу, вне дома. Затем открывают кувшин и тут же обедают, а оставшееся вино берут домой».

Неясно, обряд этот исполнялся всеми абхазами или локально в определенных деревнях. Но сам факт того, что Ахын был известен в Абхазии вплоть до начала XX века, представляет определенный интерес.

Мы не знаем, у абхазов был ли связан или нет мотив самошествующего животного с именем Ахына. В качестве такового в абхазской мифологии выступает не корова, как правило, – это бык.

Все, кто писал о самошествующем быке в Илорской церкви, связывают его с именем святого Георгия. Вполне возможно, что это результат эволюции и трансформации обряда в честь более древнего, но постепенно, с течением времени забытого языческого божества Ахына. Нам кажется, что после распространения христианства в Абхазии, с течением време-

ни постепенно имя Ахына было вытеснено и предано забвению, а обряд в его честь в несколько иной форме, в иной переработке стал связываться с именем более позднего персонажа – Св. Георгия.

У нас есть еще одно интересное косвенное доказательство того, что у абхазов обряд в честь Ахына широко был распространен. Имеется в виду сохранившаяся по настоящее время абхазская народная песня «Белая коза абазина Хаджмата» («Ашәуа Хаджмат иджма шкәакәа») [2: 258], восходящая к обряду жертвоприношения Ахыну и являющаяся деформированным отголоском содержания этого обряда.

Стоит обратить внимание еще и на то обстоятельство, что хозяином козы (козла), о которой идет речь в этой песне, является абазин. Нам кажется, что упоминание именно абазина в качестве хозяина неслучайно. Вспомним, что в приведенном выше кабардинском тексте об Ахыне говорится, что «Ахын происходил из басхагов» (абазин).

Приведем наиболее характерный и полный вариант песни в нашем подстрочном переводе на русский язык:

Белая коза абазина Хаджмата,
уаа, уаа, нанькяра!
Кто открыл дверь, тот не вывел.
уаа, уаа, нанькяра!
Кто вывел, тот на нее (на козу) не накин-
нул веревку,
уаа, уаа, нанькяра!
Кто накиннул веревку (на козу), тот не
взял (ее с со-
бой),
уаа, уаа, нанькяра!
Кто привел ее (козу), тот не привязал,
уаа, уаа, нанькяра!
Кто привязал, тот не отвязал,
уаа, уаа, нанькяра!
Кто отвязал, тот не повалил,
уаа, уаа, нанькяра!
Кто повалил, тот горло не порезал,
уаа, уаа, нанькяра!
Кто горло порезал, не повесил,
уаа, уаа, нанькяра!
Кто повесил, тот шкуру не снял (не со-
драл),
уаа, уаа, нанькяра!

Кто шкуру снял (содрал), не тот разде-
лил на куски,

уаа, уаа, нанькяра!

Кто разделил на куски, не тот положил
(мясо) в котел,

уаа, уаа, нанькяра!

Кто положил в котел, не тот вытащил,

уаа, уаа, нанькяра!

Кто вытащил, не тот распределил (со-
бравшимся),

уаа, уаа, нанькяра!

Кто распределил, тот сам (ничего) не
съел,

уаа, уаа, нанькяра!

Кто съел, все отравились,

уаа, уаа, нанькяра!

Приведенные материалы и их обзор в совокупности позволяют считать, что образ божества крупного рогатого скота Ахына и обряд в его честь были популярны как у адыгов, так и у абхазов. Это еще одно подтверждение единства духовных корней духовности этих народов.

Примечания:

1. Абхазские сказки. Четвертое издание. Составил, обработал и перевел с абхазского Х.С. Бгажба. – Сухуми: «Алашара», 1976.
2. Абхазское устное народное творчество. В XII томах. Т. I. Трудовые песни, обрядовая поэзия, заговоры, бытовая поэзия. Вступительная статья Ш.Х. Салакая. – Сухуми: «Алашара», 1992. – №424 (на абх. яз.).
3. Азаматова, М.-К.З. Культ божеств, магические обряды в раннеклассовом обществе и трансформация их через религии христианства и ислама // Религиозные верования адыгов. – Майкоп, 2001.
4. Ан, Б. О пережитках родовой религии шапсугов // Религиозные верования адыгов. – Майкоп, 2001.
5. Васильков, В.В. Очерк быта темиргоевцев // Религиозные верования адыгов. – Майкоп, 2001.
6. Гулиа, Д.И. Собр. соч. в шести томах. Т. 6. – Сухуми: «Алашара», 1986.
7. Дубровин, Н. Черкесы (адыге) // Религиозные верования адыгов. – Майкоп, 2001.
8. Инал-ипа, Ш.Д. Абхазы. (Историко-этнографические очерки). Второе, перераб., доп. изд. Сухуми: «Алашара», 1965.
9. Кабардинский фольклор. Вступительная статья, комментарии и словарь М.Е. Талпа / Редакция Ю.М. Соколова. – М.-Л.: АCADEMIA, 1936.

10. Лавров, Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Религиозные верования адыгов. – Майкоп, 2001.
11. Люлье, Л. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Религиозные верования адыгов. Майкоп, 2001.
12. Мижаев, М.И. Ахын // МНМ. Энциклопедия. В двух томах. Т. I. Второе издание. – М.-1988.
13. Патеипа, Н.С. Избранное. (Статьи, рассказы, стихи). – Сухуми: «Алашара», 1978.
14. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: «Эльбрус», 1978. – С. 96-97.
15. Хан-Гирей. Черкесские предания // Религиозные верования адыгов. – Майкоп, 2001.
16. Шиллинг, Е. Черкесы // Религиозные верования адыгов. – Майкоп. 2001.
17. Шортанов, А.Т. Адыгская мифология. – Нальчик: «Эльбрус», 1982.